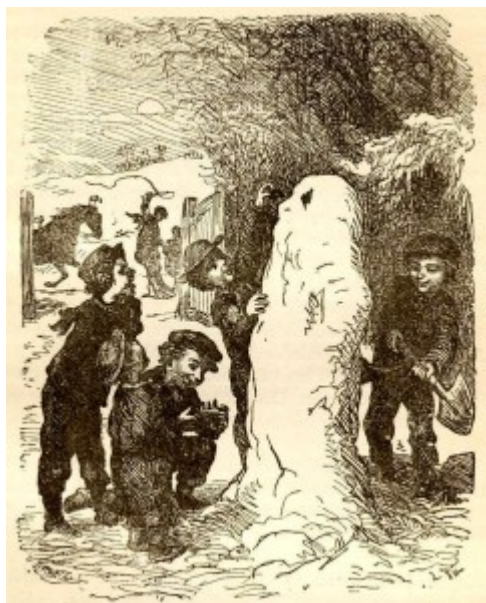

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Снеговик (Снегур)

Так и хрустит во мне! Славный морозец! – сказал снеговик. – Ветер-то, ветер-то так и кусает! Просто любо! А ты что тарачишься, пучеглазое? – Это он про солнце говорил, которое как раз заходило. – Впрочем, валяй, валяй! Я и не моргну! Устоим!

Вместо глаз у него торчали два осколка кровельной черепицы, вместо рта красовался обломок старых граблей; значит, он был и с зубами.

Кликните на этот рисунок чтобы открыть полноразмерную иллюстрацию. На свет он появился под радостные «ура» мальчишек, под звон бубенчиков, скрип полозьев и щелканье извозчичьих кнутов.

Солнце зашло, и на голубое небо выплыла луна, полная, ясная!

– Ишь, с другой стороны ползет! – сказал снеговик. Он думал, что это опять солнце показалось. – Я все-таки отучил его пялить на меня глаза! Пусть себе висит и светит потихоньку, чтобы мне было видно себя!.. Ах, как бы мне ухитриться как-нибудь сдвинуться! Так бы и побежал туда на лед покататься, как давеча мальчишки! Беда – не могу сдвинуться с места!

– Вон! Вон! – залаял старый цепной пес; он немножко охрип – ведь когда-то он был комнатною собачкой и лежал у печки. – Солнце выучит тебя двигаться! Я видел, что было в прошлом году с таким, как ты, и в позапрошлом тоже! Вон! Вон! Все убрались вон!

– О чем ты толкуешь, дружище? – сказал снеговик. – Вон та пучеглазая выучит меня двигаться? – Снеговик говорил про луну. – Она сама-то удрала от меня давеча; я так пристально посмотрел на нее в упор! А теперь вон опять выползла с другой стороны!

– Много ты мыслишь! – сказал цепной пес. – Ну да, ведь тебя только что вылепили! Та, что глядит теперь, луна, а то, что ушло, солнце; оно опять вернется завтра. Уж оно подвинет тебя – прямо в канаву! Погода переменится! Я чую – левая нога заныла! Переменится, переменится!

– Не пойму я тебя что-то! – сказал снеговик. – А сдается, ты сулишь мне недоброе! То красноглазое, что зовут солнцем, тоже мне не друг, я уж чую!

– Вон! Вон! – пролаяла цепная собака, три раза повернувшись вокруг самой себя и улеглась в своей конуре спать.

Погода и в самом деле переменилась. К утру вся окрестность была окутана густым, тягучим туманом; потом подул резкий, леденящий ветер и затрещал мороз. А что за красота, когда взошло солнышко!

Деревья и кусты в саду стояли все покрытые инеем, точно лес из белых кораллов! Все ветви словно оделись блестящими белыми цветочками! Мельчайшие разветвления, которых летом и не видно из-за густой листвы, теперь ясно вырисовывались тончайшим кружевным узором ослепительной белизны; от каждой ветви как будто лилось сияние! Плакучая береза, колеблемая ветром, казалось, ожила; длинные ветви ее с пушистою бахромой тихо шевелились – точь-в-точь как летом! Вот было великолепие! Встало солнышко... Ах, как все вдруг засверкало и загорелось

крошечными, ослепительно-белыми огоньками! Все было точно осыпано алмазной пылью, а на снегу переливались крупные бриллианты!

Кликните на этот рисунок чтобы открыть полноразмерную иллюстрацию. – Что за прелесть! – сказала молодая девушка, вышедшая в сад с молодым человеком. Они остановились как раз возле снеговика и смотрели на сверкающие деревья. – Летом такого великолепия не увидишь! – сказала она, вся сияя от удовольствия.

– И такого молодца тоже! – сказал молодой человек, указывая на снеговика. – Он бесподобен!

Молодая девушка засмеялась, кивнула головкой снеговика и пустилась с молодым человеком по снегу вприпрыжку, у них под ногами так и захрустело, точно они бежали по крахмалу.

– Кто такие эти двое? – спросил снеговик цепную собаку. – Ты ведь живешь тут подольше меня; знаешь ты их?

– Знаю! – сказала собака. – Она гладила меня, а он бросал косточки; таких я не кусаю.

– А что же они из себя изображают? – спросил снеговик.

– Паррочку! – сказала цепная собака. – Вот они поселятся в конуре и будут вместе глотать кости! Вон! Вон!

– Ну, а значат они что-нибудь, как вот я да ты?

– Да ведь они господа! – сказал пес. – Куда как мало смыслит тот, кто только вчера вылез на свет божий! Это я по тебе вижу! Вот я так богат и годами и знанием! Я всех, всех знаю здесь! да, я знавал времена получше!.. Не мерз тут в холоде на цепи! Вон! Вон!

– Славный морозец! – сказал снеговик. – Ну, ну, рассказывай! Только не греми цепью, а то меня просто коробит!

– Вон! Вон! – залаял цепной пес. – Я был щенком, крошечным

хорошеньким щенком, и лежал на бархатных креслах там, в доме, лежал на коленях у знатных господ! Меня целовали в мордочку и вытирали лапки вышитыми платками! Звали меня Милкой, Крошкой!.. Потом я подрос, велик для них стал, и меня подарили ключнице, я попал в подвальный этаж. Ты можешь заглянуть туда; с твоего места отлично видно. Так вот, в той камерке я и зажил как барин! Там хоть и пониже было, да зато спокойнее, чем наверху: меня не таскали и не тискали дети. Ел я тоже не хуже, если не лучше! У меня была своя подушка, и еще там была печка, самая чудеснейшая вещь на свете в такие холода! Я даже уползал под нее!.. О, я и теперь еще мечтаю об этой печке! Вон! Вон!

– Разве уж она так хороша, печка-то? – спросил снеговик. – Похожа она на меня?

– Ничуть! Вот сказал тоже! Печка черна как уголь: у нее длинная шея и медное пузо! Она так и пожирает дрова, огонь пышет у нее изо рта! Рядом с нею, под нею – настоящее блаженство! ее видно в окно, погляди!

Кликните на этот рисунок чтобы открыть полноразмерную иллюстрацию. Снеговик посмотрел и в самом деле увидел черную блестящую штуку с медным животом; в животе светился огонь. Снеговика вдруг охватило такое страшное желание, – в нем как-будто зашевелилось что-то.. Что такое нашло на него, он и сам не знал и не понимал, хотя это понял бы всякий человек, если, разумеется, он не снеговик.

– Зачем же ты ушел от нее? – спросил снеговик пса, он чувствовал, что печка – существо женского пола. – как ты мог уйти оттуда?

– Пришлось поневоле! – сказал цепной пес. – Они вышвырнули меня и посадили на цепь. Я укусил за ногу младшего барчука – он хотел отнять у меня кость! «Кость за кость!» – думаю себе.. А они осердились, и я оказался на цепи! Потерял голос.. Слышишь, как я хриплю? Вон! Вон! Вот тебе и вся недолга!

Снеговик уже не слушал; он не сводил глаз с подвального этажа,

с каморки ключницы, где стояла на четырех ножках железная печка величиной с самого снеговика.

– Во мне что-то странно шевелится! – сказал он. – Неужели я никогда не попаду туда? Это ведь такое невинное желание, отчего ж бы ему не сбыться! Это мое самое заветное, мое единственное желание! Где же справедливость, если оно не сбудется? Мне надо туда, туда к ней... Прижаться к ней во что бы то не стало, хоть бы разбить окно!

– Туда тебе не попасть! – сказал цепной пес. – А если бы ты и добрался до печки, то тебе конец! Вон! Вон!

– Мне уж и так конец подходит, того и гляди, свалюсь!

Целый день снеговик стоял и смотрел в окно; в сумерки каморка выглядела еще приветливее; печка светила так мягко, как не светить ни солнцу, ни луне! Куда им! Так светит только печка, если брюшко у нее набито. Когда дверцу открыли, из печки метнулось пламя и заиграло ярким отблеском на белом лице снеговика. В груди у него тоже горело пламя.

– Не выдержу! – сказал он. – Как мило она высовывает язык! Как это идет ей!

Ночь была длинная, длинная, только не для снеговика; он весь погрузился в чудесные мечты, – они так и трещали в нем от мороза.

К утру все окна подвального этажа покрылись прекрасным ледяным узором, цветами; лучших снеговик и желать не мог бы, но они скрыли печку! Мороз так и трещал, снег хрустел, снеговику радоваться да радоваться бы, так нет! Он тосковал о печке! Он был положительно болен.

– Ну, это опасная болезнь для снеговика! – сказал пес. – Я тоже страдал этим, но поправился. Вон! Вон! Будет перемена погоды!

И погода переменилась, началась оттепель.

Зазвенела капель, а снеговик таял на глазах, но он не говорил ничего, не жаловался, а это плохой признак. В одно прекрасное утро он рухнул. На месте его торчало только что-то вроде железной согнутой палки; на ней-то мальчишки и укрепили его.

– Ну, теперь я понимаю его тоску! – сказал цепной пес – У него внутри была кочерга! Вот что шевелилось в нем! Теперь все прошло! Вон! Вон!

Скоро прошла и зима.

– Вон! Вон! – лаял цепной пес, а девочки на улице пели:

Цветочек лесной, поскорей распускайся!
Ты, вербочка, мягким пушком одевайся!
Кукушки, скворцы, прилетайте,
Весну нам красну воспевайте!
И мы вам подтянем: ай, люли-люли,
Деньки наши красные снова пришли!

(Голосов: 2. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...